

УДК 37.014.53:376.1–058.862

Астоянц М.С.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: социальная инклюзия, социальная эксклюзия, социальное сиротство, социальная политика, образование.

Статья подготовлена в рамках программы
государственной поддержки молодых ученых;
грант Президента Российской Федерации
МД-1575.2009.6.

© Астоянц М.С., 2009

Движение к более справедливому, демократическому обществу и социальному государству предполагает признание в качестве общественных ценностей идеалов гражданственности, справедливости и социального равенства, составляющих основу инклюзивной культуры. Социальная инклюзия, под которой в широком смысле понимают «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу», становится сегодня «кодовым знаком для обозначения стремления к преодолению неравенства, обретению свободы и нового качества жизни» [9; 11]. Инклюзия представляет собой активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции.

Необходимость приложения специальных усилий в направлении социальной инклюзии вызвана стремлением предотвратить или уменьшить процессы социального исключения, вследствие которых те или иные индивиды или социальные группы оказываются на периферии социального пространства и утрачивают связи с обществом. Особенное беспокойство во всех обществах вызывают процессы социального исключения детей и молодежи как наиболее разрушительные для социальной солидарности. Проблемы, испытываемыми детьми на этапе ранней социализации, могут привести к дальнейшим жизненным трудностям и снизить шансы на успешную социальную интеграцию впоследствии.

В большинстве развитых стран проблема борьбы с социальной эксклюзией детей и молодежи стоит на повестке дня при принятии политических решений. Это касается как стран, где

уровень детской бедности минимален (например, скандинавские страны), так и тех, которые считают его недопустимо большим и стремятся сократить (например, Великобритания). Так, по утверждению Э. Гидденса, в Великобритании начиная с 1997 г. лейбористами осуществлялась стратегия социальных инвестиций, ключевым направлением которой можно считать «инвестиции в человеческий капитал везде, где это возможно, вместо прямого инвестирования в социальное обслуживание» [13, р. 117]. Согласно этой стратегии дети рассматриваются как весьма выгодное направление социального инвестирования в будущее, что актуально и для современной России.

Первым шагом к преодолению социальной эксклюзии в российском обществе должно быть признание наличия этой проблемы и провозглашение социальной инклюзии в качестве одного из приоритетов национальной социальной политики. С точки зрения разработки и осуществления социальной политики инклюзия может быть понята как «процесс, основанный на диалектической взаимосвязи социализации, интернализации и институционализации, предполагающий разработку и применение организационных мероприятий, направленных на равноправное социальное взаимодействие индивидов или социальных групп (в первую очередь социально незащищенных слоев), по поводу их включенности в социум, результатом которого является увеличение степени активного участия в жизни общества личности или группы, независимо от их демографических, экономических, политических и культурно-духовных характеристик» [7, с. 20].

Поскольку формы исключения многообразны (в научной литературе упо-

минается «исключение из системы производства (безработица); потребления (нищета); социального общения в семье, соседстве; образования (низкие шансы, система селективного обучения, профессиональные оценки медиков, педагогов, психологов); принятия решений; медицинского обслуживания (ограничение доступа к медицинским услугам) и др.» [4, с. 63]), то и государственная социальная политика должна быть комплексной и сбалансированной и осуществляться не только в направлении снижения уровня бедности семей с детьми (хотя это безусловно важнейшее ее звено), но и включать в себя ряд иных направлений. Таким образом, социальная инклюзия означает полное участие всех членов сообщества в его жизнедеятельности и имеет ряд аспектов: политико-правовой (возможность реализации своих прав и интересов), социально-экономический (искоренение бедности, наличие достойно оплачиваемой работы, качественное жилье и коммунальные услуги), социокультурный (доступное и качественное образование, включенность в культурную жизнь сообщества), психологический (толерантность, позитивная самоидентификация, чувство принадлежности к сообществу) и др.

Опираясь на опыт европейских стран, можно предположить, что эффективными в смысле социальной инклюзии детей (и конкретно детей-сирот) будут следующие (хотя и не только эти) направления социально-политической деятельности.

**Правовое направление
(создание правовой базы социальной
инклюзии)**

Правовой аспект политики социальной инклюзии базируется на трактовке социального исключения как отказа или ограничения в гражданских пра-

вах. Соответственно, социальная инклюзия не может быть обеспечена без создания соответствующего правового поля, опирающегося на инклюзивную идеологию, инклюзивную культуру, инклюзивные ценности.

Некоторые исследователи утверждают, что дети являются одной из самых уязвимых и управляемых групп в обществе, поскольку основные институты, ответственные за их социализацию (здравоохранение, образование, социальное обслуживание), традиционно имеют очень малое влияние на национальную и местную политику или не имеют его вообще [16]. Т. Ридж доказал, что при высоком декларируемом статусе детей они оказываются исключенными из тех процессов, которыми определяется социальная инклюзия: «...в самом деле, гражданская, экономическая и социальная интеграция протекают в границах взрослого мира и включают социальные системы и институты, из которых дети всегда были исключены. Само по себе исключение связано с управлением, властью и контролем, а дети всегда были исключены из взрослых сфер власти и влияния» [18, р. 161].

В отношении детей основой правовой базы социальной инклюзии являются положения Конвенции ООН «О правах ребенка», отражающие фундаментальные права детей во всем мире. Конвенция создает основу для признания того, что дети являются гражданами, имеющими право на участие во всех сферах жизни общества. Согласно этому международному документу Российская Федерация, как и другие государства, признает гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права своих несовершеннолетних граждан, обязуется предпринимать усилия по их соблюдению и в случае их невыполнения

несет ответственность перед международным сообществом.

Дети имеют право на безопасную физическую и психологическую среду и, что немаловажно, «на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка» (ст. 27). Конвенция способствует утверждению высокой значимости семьи и семейных связей для нормального развития ребенка. Признавая приоритетную ответственность родителей в обеспечении условий жизни, необходимых для развития ребенка, государство в то же самое время берется оказать необходимую помощь, поддержать родителей для того, чтобы они могли должным образом заботиться о своих детях. Это разделение ответственности семьи и государства в отношении заботы о ребенке особенно важно в случае необеспеченности, риска социального сиротства и в иных критических ситуациях, когда семейное неблагополучие может стать препятствием для нормального развития ребенка.

В системе ценностей инклюзивной культуры следует воспринимать самих детей как субъектов правового поля. Дети должны быть более вовлечены в принятие решений о вопросах, которые затрагивают их интересы. В связи с этим необходимо принятие принципов детского участия – голоса детей должны быть услышаны и учтены в процессе принятия решений, касающихся их благополучия. Решения о судьбе ребенка – будь то вопросы, касающиеся его семьи, образования или оказываемых ему социальных услуг – должны приниматься согласованно с самим ребенком, с его мнением и желанием. До сих пор у нас бытует мнение, что только взрослые знают, что лучше для ребенка, а он сам не в состоянии принимать правильное решение. Но ведь

именно процесс самостоятельного принятия решений и делает человека взрослым и ответственным гражданином, активным членом общества. Следовательно, необходимо понимание и продвижение роли ребенка как активного субъекта собственных прав. Пока вся власть в принятии решений в отношении детей будет принадлежать только взрослым, прогресс в социальной инклюзии не будет достигнут. Поэтому с точки зрения идеологии социальной инклюзии важнейшее значение имеет ст. 3 Конвенции, которая гласит: «Во всех действиях судов, учреждений, занимающихся вопросами социального обеспечения, или административных органов первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Убеждения ребенка подвергаются внимательному рассмотрению». Признание ребенка в качестве субъекта правового поля, имеющего право быть услышанным, является знаковым показателем его инклюзии.

Таким образом, политика социальной инклюзии должна базироваться на Конвенции ООН «О правах ребенка» и давать детям возможность участвовать в процессе принятия решений.

**Экономическое направление
(действие трудоустройству
и занятости населения)**

По мнению исследователей, процесс социального исключения происходит при изменении экономической ситуации как следствие перехода от индустриальной к постиндустриальной модели экономики. В связи с этими переменами снижается защита населения от рисков, и тот, кто оказывается неспособен быстро сориентироваться или неподготовлен к сложной ситуации, рискует оказаться в числе исключенных. С. Погам, отдавая приоритет

проблемам занятости, определяет исключение как процесс «социальной дисквалификации», который проходит три последовательных стадии: надлом (подрабатывающий/безработный, но поддерживающий связи с обществом), зависимость от социальной помощи (нежелание работать, но выполнение других социальных ролей) и затем полное разрушение социальных связей [17].

Поэтому политика социальной инклюзии включает в себя как важнейший аспект обеспечение занятости населения. Регулярная занятость рассматривается правительством Великобритании как лучшая защита от социального исключения. Если принимать такую позицию за основу, оплачиваемая работа может служить «обратной дорогой» к социальной инклюзии. Так утверждает, в частности, Р. Левитас, которая показала, что главное воздействие на сокращение исключения оказалось возвращение людей к занятости [15, р. 4]. В связи с этим весьма интересна позиция лейбористской партии Южной Австралии, которая предполагает обеспечить полную занятость, означающую, что все, кто хотел бы работать, могут быть уверены, что получат достойную работу в удобное для них время и смогут выбирать между полной и частичной занятостью.

Необходимость интеграции безработных с большим стажем незанятости и недостаточными профессиональными навыками на рынок труда стала настоящим вызовом для европейских государств. По оценкам Г. Эспинг-Андерсена, в европейских странах лишь около 40% родителей, имеющих несовершеннолетних детей, могут получить такую работу, которая снизит риски их социальной эксклюзии и выведет из бедности. Остальные – а это никогда не работавшие ранее женщины, инва-

лиды, люди с низкой квалификацией и длительный период (более 5 лет) не работавшие – практически не имеют шансов на трудоустройство [12].

Содействие занятости клиентов становится сегодня не столько одним из видов государственной социальной помощи, сколько условием ее оказания. Социальные службы европейских стран используют политику «кнута и пряника» для повышения трудовой активности и включают требование работать как необходимое условие оказания социальной помощи своим клиентам. Так, в Германии с 2005 г. введено правило, согласно которому для получения социального пособия необходимо работать независимо от того, соответствует ли работа желаемой по уровню квалификации и оплаты. Порой это может даже ухудшать положение детей в семье, поскольку оплата труда их родителей может быть мизерной, а времени на заботу о детях станет куда меньше. Как справедливо отмечают исследователи проблем бедности и социального исключения фонда Раунтри, «даже если бы полная занятость была достигнута, бедность и исключение не были бы устранены. Заработки могут быть слишком низкими, ниже, чем минимально адекватные социальные выплаты детских пособий и других материальных выплат, дополняющих их, и ниже минимально адекватных выплат пенсионерам и инвалидам. Людям, которые не могут работать, необходимо выплачивать адекватные пособия для поддержания их нужд» [14]. Поэтому важным фактором инклюзии является не только сам факт наличия работы, но и достойный уровень ее оплаты.

Для российских реалий сегодня обеспечение занятости родителей – это возможность снизить уровень детской бедности, что на сегодняшний день

является острой проблемой, ведь, по результатам исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, бедными являются 52,4% от общей численности детей до 16 лет [6, с. 38].

Как показали результаты наших исследований [2, с. 219–220], безработность, низкооплачиваемая работа и (или) непостоянная занятость родителей являются сегодня факторами риска социального сиротства и размещения ребенка в интернатном учреждении.

Родители из семей группы риска демонстрируют траектории снижения профессионального статуса. Утрата прежнего статуса происходит чаще всего вследствие злоупотребления алкоголем. Занятость становится разовой, а доходы низкими. Способы их получения тоже не всегда легальны. Если женщина воспитывает детей одна, то с рождением ребенка она может потерять и ту низкооплачиваемую работу, которая была у нее ранее. «Защитными факторами», способствующими социальной инклюзии и предотвращению социального сиротства, оказались занятость хотя бы одного из супругов и получение достаточного дохода для содержания семьи.

Говоря о ситуации в современной России, следует признать, что многие родители из семей группы риска зачастую не могут работать по объективным условиям из-за отсутствия какой-либо оплачиваемой работы (например, в сельской местности). В некоторых случаях они не могут работать еще и потому, что должны ухаживать за детьми в случае детской инвалидности или многодетности (к сожалению, российские социальные службы сегодня не включают помощь в уходе за такими детьми в спектр своих услуг). Кроме того, в большинстве случаев родители имеют столь низкую профес-

сиональную квалификацию, что заработная плата не сможет существенно улучшить материального положения семей и их детей.

Таким образом, политика занятости должна дать возможность трудоустроиться тем, кто может работать и получать за свой труд достойную оплату. Кроме того, следует признать, что родители, которые не могут работать на производстве, а решают заниматься воспитанием своих детей и заботиться о них (и делают это успешно), также вносят ценный вклад в развитие общества и должны получать помощь и поддержку от государства.

***Социокультурное направление
(доступность качественного
образования)***

Доступность получения качественного образования, безусловно, является мощным средством социальной инклюзии. В связи с этим уместно вспомнить высказывание бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра, предлагающего образование как средство предотвращения социальной эксклюзии: «Лучшая защита от социального исключения – это иметь работу, и лучший путь иметь работу – это получить хорошее образование, иметь хорошие навыки и опыт» [10].

Следует отметить, что зачастую инклюзия в образовании рассматривается в качестве подхода к обучению детей с ограниченными возможностями в рамках учреждений системы общего образования. Однако в международном масштабе это понятие все чаще рассматривается в более широком плане, как реформа, которая поддерживает и поощряет разнообразие среди учащихся. Цель инклюзивного образования заключается в ликвидации социальной изоляции, которая являет-

ся следствием негативного отношения к разнообразию с точки зрения расы, социального положения, этнического происхождения, религии, пола и способностей. Отправной точкой данного понятия является убеждение, что образование является одним из основополагающих прав человека и основой для более справедливого общества. Как было заявлено на международной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры «Инклюзивное образование: путь в будущее», проходившей в ноябре 2008 г. в Женеве, «инклюзивное образование является не второстепенным, а центральным вопросом для обеспечения высококачественного образования и создания более инклюзивных обществ».

С точки зрения международных стандартов инклюзия в образовании, в частности, предполагает уделение особого внимания тем группам учащихся, которые могут оказаться подверженными риску обособления, эксклюзии или низкой успеваемости. Необходимо тщательно контролировать и предпринимать дополнительные усилия для того, чтобы наиболее уязвимые группы общества имели доступ к получению образования. Инклюзия означает охват обособленных и живущих в неблагоприятных условиях групп населения, будь то малоимущие, жители сельских районов и городских трущоб, этнические и языковые меньшинства или лица с ограниченными возможностями; всех возрастных групп, от детей младшего возраста (образование и уход в раннем детском возрасте) до взрослых (особенно грамотность); девочек и женщин [11].

Проблема доступности образования и образовательного неравенства давно является предметом научного и общественного дискурса в современной России. И это не случайно. Ведь

возможность получения образования в значительной степени обуславливает социальную мобильность, доступ в дальнейшем к другим общественным благам, поскольку в развитом обществе освоение многих ролей, обретение определенных статусов детерминируется учебой в образовательных учреждениях, прохождением через формальные организации института образования. Еще П. Бурдые отмечал, что скрытое назначение школы – это легитимация «наследников» и стремление убедить остальных в том, что они исключены законно [3].

В неодинаковой доступности образования для различных групп молодежи коренится социальная эксклюзия тех, кто оказывается за бортом образовательного учреждения. Как отмечает Д.Л. Константиновский, «образование ребенка все в большей степени зависит не от его способностей и усилий, а от благосостояния и желаний родителей» [5, с. 147]. Поэтому на разных этапах образовательной траектории успех или неудача во многом определяются ресурсами родительской семьи. Весомый вклад в социальную дифференциацию вносят и институциональные факторы: место жительства, тип поселения, образовательная инфраструктура региона.

Некоторые группы молодежи находятся в особенно неблагоприятной ситуации в смысле доступности получения образования, и одной из таких групп являются дети-сироты.

На выборе жизненного пути воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, во многом сказывается недостаточная профессиональная подготовка, которая не ориентирует воспитанников на достижение более высоких профессиональных перспектив, на получение конкурентной профессии, на выбор профессиональной

деятельности, отвечающей возможностям выпускника. Сегодня большинство детей-сирот из детских домов и школ-интернатов и выпускников коррекционных учреждений направляются в ПТУ и начинают трудовую деятельность, не имея никакой профессиональной квалификации, остальные продолжают образование в 10–11-х классах; единицы попадают в высшие учебные заведения. Но и для вузов, и для ПТУ выпускники интернатных учреждений являются нежелательными абитуриентами – за них нужно нести дополнительную ответственность, обеспечивать реализацию социальных гарантий, а как студенты они зачастую показывают низкий уровень знаний. Причина этому – низкий уровень школьной подготовки.

Так, оценивая эффективность федеральной целевой программы «Дети-сироты» за 1998–2002 гг., Министерство труда и социального развития РФ бодро рапортовало об увеличении числа воспитанников интернатных учреждений, обучающихся в 10–11-х классах, ссузах и вузах. Однако если анализировать не абсолютные показатели (причем без указания общего числа выпускников, как это сделано в программе), а процент продолживших обучение, то результаты уже не кажутся столь оптимистичными.

В 1999 г. выпускники интернатных учреждений продолжили обучение в 10–11-х классах – 320 человек (2,1%); в ПТУ – 3705 человек (24,7%); в ссузах – 2053 человека (13,7%); в вузах – 356 человек (2,4%). В 2000 г. обучались в 10–11-х классах уже 883 человека (5,9%); в ПТУ – 4311 человек (28,7%); в ссузах – 2053 человека (13,7%), в вузах – 399 человек (2,7%). А значит, получили лишь неполное среднее образование около половины выпускников – 57,1% в 1999 г. и в 2000 г. –

49%. Не удивительно, что они могут получить лишь низкооплачиваемую, неинтересную, неквалифицированную работу, отсутствуют перспективы развития и роста.

Как показывает международный опыт, инклюзию в образовании могут обеспечить гибкие (инклюзивные) учебные планы для различных групп детей и молодежи, позволяющие им приобрести необходимые навыки и квалификацию. Они базируются на подходе к обучению как к взаимодействию, которое происходит, когда учащиеся активно вовлечены в процесс обучения, осмысливая приобретенный ими опыт. В рамках такого подхода преподаватель выполняет функции тьютора, организуя процесс обучения разнородной группы учащихся, где каждый ребенок может работать в собственном, подходящем для него темпе и по индивидуальному учебному плану в рамках общей структуры деятельности и целей. Такие учебные планы дают возможность углубления практических навыков, посещения курсов по выбору, индивидуализации обучения. Для тех детей, которые не смогли освоить школьную программу вместе со своими сверстниками (второгодники), предлагаются программы «второго шанса».

Еще один аспект социальной инклюзии – включение детей в такие виды коллективной деятельности, которые будут способствовать их позитивной коллективной идентичности. Опыт участия, включение в социальную общность, осознание общих проблем, получение опыта их преодоления помогут ребенку стать сильнее, уменьшить риски социальной эксклюзии и почувствовать себя активным членом общества уже сейчас. В европейских странах и США давно и успешно используется недооцененный в нашей

стране способ получения профессиональных навыков и опыта посредством волонтерской деятельности, который кроме всего прочего мог бы служить эффективным средством социализации детей-сирот [1].

На этапе школьного обучения особую роль играет фигура учителя. Ученые считают, что для образовательной инклюзии большое значение имеет стиль преподавателя в начальной школе, когда складывается система ценностей коллектива детей. Учитель, который жестко контролирует детей, приучает их к конкуренции и жесткой обратной связи, формирует основу будущего антагонизма между формальной и неформальной структурами отношений в классе. И наоборот, педагог, который с самого начала пребывания детей в школе формирует рефлексию детей относительно их отношений, успехов, предпочтений в достижениях, создает климат активного толерантного отношения друг к другу, закладывает основы позитивной адаптации своих подопечных на всех последующих стадиях обучения. Конечно, роль учителя – не единственный фактор инклюзии детей, но без его участия обеспечить всем детям условия для полноценного эмоционального развития и включения в школьную жизнь трудно [8, с. 43].

В современной России огромное значение приобретает четко артикулированная государственная политика, направленная на социальную интеграцию и развитие человеческого потенциала, причем во всех социальных группах без исключения. Социальная инклюзия детей-сирот невозможна без широкой общественной поддержки, партнерства и сотрудничества всех институтов российского общества. Несомненно, предлагаемые нами направления являются лишь частью ком-

плексной стратегии, которая должна быть выработана в российской социальной политике в области детства для придания ей инклюзивного характера.

Литература

1. Астоянц, М.С. Инновационный опыт социализации молодежи в процессе совместной общественно значимой деятельности / М.С. Астоянц // Музыкальное образование: проблемы и перспективы: материалы региональной науч.-практ. конф. Азов: ООО «Мирт», 2002. С. 57–60.
2. Астоянц, М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация) / М.С. Астоянц. Азов: АзовПечать, 2009.
3. Бурдье, П. Социология политики: пер. с франц. / П. Бурдье; сост., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России: (Теория наблюдения, биограф. интервью. Советы студентам) / под ред. В.А. Ядова. М.: ТАУС, 2009.
5. Константиновский, Д.Л. Проблемы доступности высшего образования / Д.Л. Константиновский. М., 2003.
6. Римашевская, Н.М. Бедность и маргинализация населения / Н.М. Римашевская // Социологические исследования. 2004. № 4.
7. Солдатова, Л.А. Социологические подходы к изучению социальной инклюзии старшего поколения в местное сообщество / Л.А. Солдатова // Социальная политика и социология. 2009. № 1.
8. Шмидт, В.Р. Социальная эксклюзия и инклюзия в образовании: учеб.-метод. пособие / В.Р. Шмидт. М., 2006.
9. Ярская, В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства / В.Н. Ярская // Образование для всех: политика и практика инклюзии: сб. науч. статей и науч.-метод. материалов. Саратов: Научная книга, 2008.
10. Bridging the gap: new opportunities for 16–18 year olds not in education, employment or training // Social Exclusion Unit, 1999 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.dfee.gov.uk>.
11. Education for All by 2015: Will we make it? EFA Global Monitoring Report. Paris, 2008.
12. Esping-Andersen, G. A Child-Centred Social Investment Strategy / G. Esping-Andersen // Why we need a New Welfare State. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 26–67.
13. Giddens, A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. Polity Press, 1998.
14. Joseph Rowntree Foundation. Poverty and social exclusion in Britain, 2000 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.jrf.org.uk>.
15. Levitas, R. The inclusive society? Social exclusion and New Labour / R. Levitas. Basingstoke: Macmillan, 1998.
16. Moving the participation agenda forward / M. Hill [et al.] // Children & Society. 2004. P. 77–96.
17. Paugam, S. Information Society, Work and the Generation of New Forms of Social Exclusion (SOWING) First Interim Report (Literature Review) Tampere, January 1999 / S. Paugam [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.uta.fi>.
18. Ridge T. Excluding children: Autonomy, friendship and the experience of the care system / T. Ridge, J. Millar // Social Policy & Administration. 2000. Vol. 34 (2).